

УДК 81.255: 821.111

ПОЭТИКА МНОГОГОЛОСИЯ В РОМАНЕ Р. КИПЛИНГА «КИМ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ВСТРЕЧА «ДВУХ РУБЕЖЕЙ» НА СТРАНИЦАХ ПЕРМСКОЙ КНИГИ¹

Дмитрий Сергеевич Туляков

аспирант кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. contactz@gmail.com

В статье анализируются два перевода романа Р.Киплинга «Ким» на русский язык – М.Клягиной-Кондратьевой и А.Колотова. Оригинал романа уже содержит осуществляемый повествователем «перевод» языка и культуры Индии на английский язык, поэтому перед переводчиком «Кима» на русский язык стоит сложная задача передать в какой-либо степени романное многоголосие. Рассмотренные переводы демонстрируют различные стратегии, приводящие либо к большей стилистической соразмерности текста при передаче пестрой языковой картины мира Индии, достигаемой ценой сглаживания многоязычной специфики оригинала, либо к более полной передаче этого многоязычия, делающего текст романа трудным для восприятия.

Ключевые слова: Редьярд Киплинг; «Ким»; перевод; многоязычие; многоголосие; рубеж веков; пермская книга.

В современном литературоведении роман «Ким» (1901) часто характеризуется как «самое сложное из всех исследований реальности у Киплинга», в котором «писатель преодолевает чисто "британское (т.е. колониальное. – Б.П.) видение" Индии и выходит на более широкий масштаб ее понимания» [Проскурнин 2010: 99]. Одной из причин непреходящего успеха романа и его признания как литературоведами, так и читателями стало точное изображение картины жизни Индии рубежа XIX-XX вв. во всей сложности и многообразии. Е.П.Зыкова отмечает, что для Киплинга в «Киме» крайне важна мысль о «принципиальной множественности образов мира, созданных различными культурами» [Зыкова 1996: 117]. Изображенная живописно и достоверно, эта «множественность образов мира», культур, языков, верований, человеческих характеров Индии получает в романе Киплинга необходимое единство, будучи объединенной «идеей Империи, т.е. структурой, несущей порядок, справедливость, устойчивость» [Проскурнин 2010: 101]. На наш взгляд, главным достоинством «Кима» является то, что в этом романе писателю удалось в образе колониальной и поликультурной Индии художественно раскрыть идею неразрывно связанных единства и многообразия жизни как таковой. Одним из аспектов поэтики «Кима», в которых проявилось это сочетание

многообразия и единства, цельности и пестроты является сложная языковая и речевая организация романа, выступающая при его переводе на другие языки в качестве самостоятельной проблемы.

В данной статье анализируются перевод М.И.Клягиной-Кондратьевой, впервые вышедший в 1936 г. в издательстве «Academia», и перевод А.Колотова, впервые опубликованный в 1991 г. Пермским книжным издательством. Предметом исследования стали способы сохранения в переводе свойственного роману многоголосия, складывающегося из речевых особенностей различных персонажей, и способы передачи сосуществования в романе различных языков средствами английского, носителем которого является повествователь². Рассматривается в основном та составляющая романа, в которой сам язык становится значимым объектом изображения, т.е. прямая и косвенная речь героев, говорящих на «народном» («vernacular») языке, в той или иной степени опосредованная английским повествователем.

Хотя значительная часть персонажей романа говорит на урду, хинди и других наречиях, он написан на английском языке. Но Киплингу важно передать в восприятии английского повествователя речь на чужом языке. Это достигается при помощи видоизменения отдельных слов и

**Туляков Д.С. ПОЭТИКА МНОГОГОЛОСИЯ
В РОМАНЕ Р. КИПЛИНГА «КИМ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК:
ВСТРЕЧА «ДВУХ РУБЕЖЕЙ» НА СТРАНИЦАХ ПЕРМСКОЙ КНИГИ**

синтаксических конструкций таким образом, что они становятся не похожими ни на нормативный английский язык, ни на собственную речь повествователя и приобретают заметную экзотику. Как же передается эта сложная речевая организация в переводах на русский язык?

Прежде всего, обращает на себя внимание перевод английских слов, представленных в романе в искаженном виде. Наиболее часто встречаемые из таких слов «*te-rain*» и «*tikkut*» (вместо соответственно «*train*» и «*ticket*») передают фонетические особенности неправильного произношения английских слов, для которых на на-

родном наречии нет собственной лексической единицы. В речи ламы и Кима эти слова даются курсивом, что маркирует их принадлежность к другому языку, в то время как основной текст, данный на грамматически более или менее правильном английском, должен восприниматься как речь на народном языке, переведенная повествователем. Также к искаженным словам относится «*takkus*», произнесенное английским констеблем и означающее «*taxes*», и «*Ker-lis-ti-an*», в речи женщины в горах заменяющее правильное «*Christian*». Сравнение переводов данных лексических единиц приведено в таблице.

Оригинал	М.Клягина-Кондратьева	А.Колотов
<i>te-rain</i>	«поезд»	«пой-езд»
<i>tikkut</i>	«билет»	«билет»
<i>takkus</i>	«налог»	«таккус»; прим. «искаж. tax – налог»
<i>Ker-lis-ti-an</i>	«кирлистянка»	«хри-сти-ланка»

Как видно, М.Клягина-Кондратьева в трех из четырех рассмотренных случаев выбирает нейтральный перевод данных слов нормативной языковой единицей; А.Колотов же, наоборот, в трех из четырех случаев использует для перевода искаженное существительное. Мнения переводчиков оказались близки только в одном из рассмотренных случаев: при переводе «*Ker-lis-ti-an*». Это слово отличается от других рассмотренных тем, что оно является характеристикой не столько «народного» языка вообще, сколько индивидуальной манеры говорящего. Оно передает, как давно живущая в горах женщина вспоминает о тех временах, когда она «была хри-сти-ланкой и говорила по-английски, как говорят сахибы» [221]. В переводе А.Колотова нам представляется удачным не только искажение произносимых звуков женщиной, успевшей забыть язык, слово, на котором она хочет сказать, но и разбивка этого слова на слоги, из-за чего создается впечатление, как будто она, говоря, медленно вспоминает, как это слово должно звучать.

Индивидуальными особенностями произношения и манеры говорить наделены в романе и другие персонажи. Так, когда Ким пробирается в британский полк и его ловит полковой капеллан, последний оказывается немало удивлен, когда смуглый мальчик отвечает ему на «варварском, гортанном, исковерканном – но английском!» [Киплинг 1991: 75]. Особенности английского языка Кима проявляются в грамматической некорректности некоторых предложений, искаженных словах, а также в стилистических ошибках. Так или иначе эта некорректность языка

Кима транслируется в обоих рассмотренных переводах. Когда Ким представляется, он говорит, что его зовут «*Kim Rishti ke*», и поясняет, что это означает его связь с ирландским полком: «*Eye-rishti—that was the Regiment—my father's*» [Kipling 1994: 117] (в переводе М.Клягиной-Кондратьевой: «Иралани – это был полк... полк моего отца» [Киплинг 2003: 230]; в переводе А.Колотова: «Из Ландхи. Это был полк моего отца» [Киплинг 1991: 76]). Как видим, в переводе М.Клягиной-Кондратьевой передается не только искажение имени собственного, но и отрывочная структура предложения, свойственная Киму как неуверенному носителю языка. В переводе А.Колотова используется нейтральное, правильное в языковом отношении предложение, из-за чего эффект неправильности и неуверенности речи Кима оказывается сглаженным. В то же время отметим интересное решение в переводе А.Колотова передачи искаженного слова «ирландский» – «Из Ландхи», которое за счет использования предлога воспринимается как более естественное искажение, чем просто «Иралани».

В этом же разговоре Кима с отцом Беннетом встречается следующий обмен репликами:

«'Yess. That was how my father told me. My father, he has lived.'

'Has lived where?'

'Has lived. Of course he is dead – gone-out'
[Kipling 1994: 117].

Плохо знающий язык Ким пытается объяснить, что его отец уже умер, однако делает это при помощи грамматически и стилистически некорректных предложений. В переводе

М.Клягиной-Кондратьевой неправильность речи Кима передается следующим образом:

«— Да. Так мне говорил отец. Мой отец, он прожил.

— Где проживал?

— Прожил. То есть умер, конечно, сдох» [Киплинг 1993: 230].

В переводе А.Колотова:

«— Так говорил мой отец. Он был, он жил.

— Где жил?

— Жил. Теперь-то он, конечно, умер, теперь его нету» [Киплинг 1991: 76].

В обоих переводах речь Кима представлена как неправильная, в первом случае за счет использования незаконченного предложения и стилистически ошибочного «сдох», во втором – при помощи просторечного «нету» и семантически неопределенного, ничего не говорящего предложения «Он был, он жил». Перевод М.Клягиной-Кондратьевой опять оказывается более точным в передаче неправильного построения предложений плохо владеющего языком Кима: «Он прожил» представляет собой с формальной точки зрения незавершенное предложение, сказуемое которого требует распространения (например, «Он прожил столько-то лет» или «Он проживал там-то»). Стилистическая неправильность также получает в этом переводе наиболее сильное выражение. А.Колотов, несмотря на то что он тоже передает общую ошибочность речи Кима, пользуется менее резкими средствами: просторечное «нету» мягче, чем грубое «сдох», а синтаксически и семантически недостаточное предложение оригинала переведено как правильное, но в смысловом отношении пустое. Таким образом, тенденция к нейтрализации в большей степени проявилась в переводе А.Колотова, в котором «индийский английский» Кима, однако, также нашел некоторое, пусть и не столь резкое, как в переводе М.Клягиной-Кондратьевой, выражение.

Помимо персонажей, для которых английский язык не является родным, в романе есть и несколько коренных англичан, чей язык немного отличается как от языка повествователя, так и от языка персонажей, не говорящих или плохо говорящих на английском. Речь некоторых из таких персонажей (полковника Крейтона, капеллана Беннета) вполне нейтральна и представляет собой правильную свободную речь на английском, отличающуюся от речи повествователя только меньшим красноречием и специфическим содержанием. Другие же «английские» персонажи являются носителями более живого, разговорного английского языка. К ним можно отнести отца Виктора, который использует в речи

характерное «уе» вместо «you», «'ud» вместо «would», «'o» вместо «of», а также другие стяжения типа «D'you» вместо «Did you» и им подобные. На просторечном английском говорят в романе солдаты. В переводе на русский язык, разумеется, невозможно передать особенности английского разговорного произношения. Поэтому в проанализированных нами русских версиях романа эффект многоязычия, присущий оригиналу, избилующему языками и диалектами, оказывается сглажен, сохраняется только стилистическое многоголосие, также ярко выраженное в оригинале. Так, речь ливерпульских солдат воспринимается не как речь на другом – разговорном – английском, хотя в оригинале Киплинга это маркируется графически, и только как грубая и просторечная. Рассмотрим пример.

Оригинал: 'A most *amazin'* young bird,' said the sergeant. 'He turns up in charge of a yellow-headed buck-Brahmin priest, with his father's Lodge certificates round his neck, *talkin'* God knows what all of a red bull. The buck-Brahmin evaporates without explanations, an' the *bhoy* sets cross-legged on the Chaplain's bed *prophesyin'* bloody war to the men at large. *Injia's* a wild land for a God-fearin' man. I'll just tie his leg to the tent-pole in case he'll go through the roof. What did *ye* say about the war?' [Kipling 1994: 130–131].

Перевод М.Клягиной-Кондратьевой: «Удивительный птенчик, – проговорил сержант. – Является под опекой *желтомордого козлоногого* брахманского жреца, *болтает* бог весть что о красном быке, а на шее у него документы из ложки его отца. *Козел-брахман* испаряется без объяснений, а мальчишка сидит, скрестив ноги, на капеллановой койке и предсказывает кровопролитную войну всем людям вообще. Больно дика эта Индия для богобоязненного человека. Привяжу-ка я его за ногу к шесту палатки, а то как бы он не *удрал* через крышу. Что ты там *болтал* насчет войны?» [Киплинг 1993: 238–239]

Перевод А.Колотова: «Ну и птенец, – говорил сержант. – Появляется в сопровождении *желтомазого* брахмана, носит на шее документы отца, *болтает* бог знает что о Рыжем Быке. Брахман испаряется неведомо куда, а *мальчонка* восседает на койке капеллана Беннета и, скрестив ноги, предсказывает людям войну и кровь. Индия не место для богобоязненных людей. Привяжу-ка я его за ногу, чтобы не *улетел* сквозь крышу! *Так что там* насчет войны?» [Киплинг 1991: 84].

Мы выделили в оригинале графические средства передачи особенностей акцента, свидетельствующих о том, что говорящий – носитель разговорного английского, а в переводах – лексиче-

ские средства, характеризующие речь говорящего как просторечную и грубую. Ни одна из этих семи особенностей произношения, выраженных в оригинале графически, не вошла ни в один из переводов, в которых, тем не менее, довольно точно передана разговорная стилистика. Обратим внимание на то, что перевод М.Клягиной-Кондратьевой представляет говорящего солдата более грубым человеком («желтомордый», «козлоногий», «козел-брахман»), чем сглаженный, но тоже передающий специфику разговорной речи перевод А.Колотова (в котором, например, вообще отсутствует оскорбительное для ламы сравнение с козлом); в этом отношении первый ближе к оригиналу. Тем не менее из обоих переводов на русский язык читатель получает представление о том, что говорящий – простой и немного грубый человек, что вполне соответствует образу солдата, однако то, что этот солдат говорит на английском, а не на другом языке, оказывается в его словах невыраженным.

Не менее интересна в контексте исследуемого аспекта речь персонажа, обладающего одним из самых своеобразных голосов – шпиона-бенгальца Хари-бабу, говорящего «на изысканнейшем английском», но «чудовищными фразами» [Киплинг 1991: 191]. Для поэтики многоголосия романа в высшей степени характерно стремление автора наделять речь Хари-бабу не только стилистическими особенностями, но и своеобразным английским произношением. В его речи часто встречаются фразеологические восклицания, такие как «By Jove!» и «Why the doose», англицизмы – «That is all tommy-rot» или «jolly-well» и фразы, в которых графически переданы особенности акцента, такие как «Oah. Thatt was nothing», «I think it is verree good», «Nevar mind that», «That is all raight» и т. под. В то время как идиоматические восклицания находят тот или иной эквивалент в обоих переводах (у М.Клягиной-Кондратьевой Хари-бабу, например, восклицает «клянусь Юпитером!», у А.Колотова – просто «господи!»), а более национально окрашенные английские слова и обороты, как правило, передаются нейтральным эквивалентом («to be jolly-dam' quick», например, переводится обоими переводчиками как «поторопиться», с усиливающим «и без задержек» у А.Колотова), особенности акцента Хари-бабу оказываются в наибольшей степени сглаженными и часто попросту опущенными.

Если, читая оригинал, невозможно не обращать внимания на истинно английское произношение Хари-бабу, то в переводах речь этого персонажа в большей степени нормативна и выделя-

ется на фоне реплик других персонажей в первую очередь в силу своих стилистических особенностей – характерного разговорного или высокого стиля или же их сочетания. Из особенностей произношения в переводах сохранились только повторяющиеся восклицания «Oah!», переведенные М.Клягиной-Кондратьевой как «О-а», а А.Колотовым как «О»; удвоению как согласных, так и гласных в обоих переводах было найдено соответствие в удвоении гласных (например, «Thatt is the question, as Shakespeare hath it» переводится А.Колотовым как «Во-от в чем вопрос, как сказано у Шекспира», а «Thatt was nothing» М.Клягиной-Кондратьевой как «Эт-то пустяки»); в отдельных случаях в переводе А.Колотова используются и другие варианты передачи специфики произношения Хари-бабу (так, переводчик наделяет этого персонажа характерным «Кха-нечно»). В целом, по нашим наблюдениям, в переводе А.Колотова и М.Клягиной-Кондратьевой графические особенности акцента передаются приблизительно с одинаковой точностью (с небольшим преимуществом у А.Колотова), которая, однако, невелика. Рассмотрим следующий пример.

«Of course I shall *affeeliate* myself to their camp in supernumerary capacity as perhaps interpreter, or person mentally impotent and *hungree*, or some such thing. And then I must pick up what I can, I suppose. That is as easy for me as playing Mister Doctor to the old lady. *Onlee—onlee*—you see, Mister O'Hara, I am unfortunately Asiatic, which is serious detriment in some respects. And *all-so* I am Bengali—a fearful man» [Kipling 1994: 297].

Мы выделили в этом небольшом отрывке четыре случая графической передачи особенностей произношения Хари-бабу. Переводы данной реплики выглядят следующим образом.

М.Клягина-Кондратьева: «Само собой разумеется, я наймусь к ним на сверхштатную должность (скажем, в качестве переводчика, быть может), или пристроюсь к ним как душевнобольной, или голодающий, или что-нибудь в этом роде. А тогда мне придется присматриваться к каждой мелочи. Для меня это так же легко, как играть роль доктора при старой леди. Только... только... Видите ли, мистер О'Хара, к несчастью, я азиат, а это в некотором смысле серьезный недостаток» [Киплинг 1993: 341].

А.Колотов: «Кха-нечно, я могу присоединиться к ним бесчисленным количеством способов – как переводчик, или изголодавшись, или потеряв память, или еще как. А потом подберу за ними что перепадет. Это не труднее, чем разыграть доктора перед старухой. Толь-ко... толь-ко...

видите ли, мистер О'Хара, я, уж так получилось, азиат, что в некоторых случаях является серьезной помехой» [Киплинг 1991: 190].

Четырем искаженным словам, графически передающим в оригинале особенности акцента Хари-бабу, в переводе М.Клягиной-Кондратьевой найдено ноль соответствий, а в переводе А.Колотова – два. Как видим, и в том и в другом переводе особенности произношения Хари-бабу заметно нейтрализованы, причем в переводе М.Клягиной-Кондратьевой немного в большей степени. В целом это отражает общую тенденцию, что, однако, не означает, что М.Клягина-Кондратьева оставляет Хари-бабу с совершенно нормальным произношением. В качестве контр-примера можно привести перевод развернутой реплики Хари-бабу из конца десятой главы, в которой из 5 наличествующих в оригинале случаев графической передачи особенностей произношения М.Клягина-Кондратьева перевела все 5 («ме-нениями», «оч-чень», 2 раза «официальные», «полуофициально»; [Киплинг 1993: 309]), а А.Колотов – только 2 («полу-официально», «кг-хм» [Киплинг 1991: 156-157]). Тем не менее, по нашим наблюдениям, в переводе М.Клягиной-Кондратьевой произношение Хари-бабу является более нормативным, в то время как в переводе А.Колотова замены найдены приблизительно для половины случаев особенного произношения оригинала.

Переводы уже приведенного предложения из речи Хари-бабу также интересно сравнить и в другом аспекте – стилистическом. В версии М.Клягиной-Кондратьевой словам Хари-бабу придано благообразное английское звучание: благодаря тому что в ее переводе фигурирует «старая леди», при которой Хари-бабу «играет роль» (речь идет о его пребывании под прикрытием в доме женщины, у которой он навестил Кима и ламу), а также из-за таких официальных оборотов, как «в некотором смысле» и «в этом роде» (у А.Колотова: «в некоторых случаях» и «или еще как»), речь Хари-бабу становится речью образованного официального лица. «Разыграть доктора перед старухой» из перевода А.Колотова звучит более сниженно (также более разговорно звучит, например, в его переводе «I think», переведенное как «наверное»; у М. Клягиной-Кондратьевой: «я полагаю»), что, тем не менее, не является недопустимым. Вспомним, что Киплинг характеризовал речь Хари-бабу, как «the best of English with the vilest of phrases». Можно сказать, что, ориентируясь на свойственную речи Хари-бабу в целом эклектику, переводчики тяготеют то к одному ее полюсу, то к дру-

гому. В переводе приведенного нами предложения М.Клягина-Кондратьева оказывается ближе к трактовке языка Хари-бабу как «изысканнейшего английского», а А.Колотов, напротив, видит даже в этой фразе следы не менее характерной для этого персонажа «чудовищности».

Вообще же в обоих переводах при передаче слов Хари-бабу – персонажа, свободно владеющего английским языком и не лишённого пристрастия к науке (он спенсерианец и этнограф, мечтающий быть принятым в Королевское общество), – часто используется речь официально-делового и даже научного стиля. Перевод А.Колотова иногда оказывается в этом отношении даже более стилистически выдержанным, чем перевод М.Клягиной-Кондратьевой. Сравним переводы следующей реплики, принадлежащей Хари-бабу:

«I am of opeenion it is not your old gentleman's precise releegion, but rather sub-variant of same» [Kipling 1994: 242].

М.Клягина-Кондратьева: «Я держусь того мнения, что единоверцы вашего старика носят не совсем такую одежду; эта скорее свойственна исповедующим один из вариантов его религии» [Киплинг 1993: 307].

А.Колотов: «Я выработал мнение, что в точном смысле религия вашего знакомого скорее представляет собой под-вариант основной доктрины» [Киплинг 1991: 154].

В переводе этого отрывка М.Клягиной-Кондратьевой, как видим, лучше передана специфика произношения, ни в коем случае не являющегося приметой высокого стиля или хотя бы просто нормативным. В переводе А.Колотова, напротив, за счет использования терминологической лексики и официально-делового клише речи Хари-бабу придается высокий официально-научный стиль. Переводчики как будто поменялись местами в трансляции двух полярных стилистических характеристик – официальной научности, сочетающейся с неправильностью произношения, простотой и даже просторечием, – этого необычного персонажа.

Последний языковой и стилистический слой, на котором мы бы хотели вкратце остановиться, – это речь на одном из «народных» языков, переданная повествователем на английском таким образом, что в ней сохраняются стилистические черты, отличающие ее как от языка повествователя, так и от языка персонажей, для которых родным языком является английский. Сюда относятся и Ким, и Хари-бабу, и многие эпизодические персонажи; однако наиболее показательным носителем стилистически окрашенной и при-

этом переведенной на английский язык речи, является, по нашему мнению, Тешу-лама – говорящий на урду спутник и гуру Кима в его духовных исканиях, сопровождающий его на протяжении значительной части романа. Как человек высокой духовности и верующий буддист, Тешу-лама говорит на языке, преисполненном достоинства, что проявляется, прежде всего, в его лексике и идиоматике. Кипплинговский повествователь стремится сохранить в своем переводе на английский стилистическую насыщенность речи ламы, значительно выделяющую его на фоне других персонажей. Перечисленные особенности речи Тешу-ламы получили свое отражение и в переводе на русский, являющемся в каком-то смысле «переводом перевода».

Проанализируем перевод слов ламы, которые, как нам кажется, являются довольно показательными для его речи в целом, поскольку в них удачно сочетаются почти все стилистические особенности, присущие этому персонажу.

Оригинал: «'Friend of all the World,'—the lama looked directly at Kim—'I am an old man—pleased with shows as are children. To those who follow the Way there is neither black nor white, Hind nor Bhotiyal. We be all souls seeking escape. No matter what thy wisdom learned among Sahibs, when we come to my River thou wilt be freed from all illusion—at my side. Hai! My bones ache for that River, as they ached in the *te-rain*; but my spirit sits above my bones, waiting. The Search is sure!'» [Kipling 1994: 283].

Перевод М.Клягиной-Кондратьевой: «Друг Всего Мира, – лама прямо взглянул в глаза Киму. – Я старый человек, но и мне, как ребенку, приятны зрелища. Для тех, кто идет по Пути, нет ни черных, ни белых, ни Хинда, ни Бхотияла. Все мы – души, ищущие освобождения. Неважно, какую мудрость ты постиг у сахибов; когда мы придем к моей Реке, ты освободишься от всякой иллюзии вместе со мной. Хай! Кости мои ноют по этой Реке, как они ныли в поезде, но дух мой восседает превыше, и он ждет. Искание достигнет цели!» [Киплинг 1993: 332].

Перевод А.Колотова: «Друг Всего Мира, – лама смотрел на Кима в упор, – я стар и, как ребенок, люблю зрелища. Для тех, кто идет по Наилучшему Пути, нет ни белых, ни черных, ни Индии, ни Бхотияла. Какой бы мудрости ты ни выучился у сахибов, дойдя до Реки, ты избавишься от всех иллюзий – вместе со мной! Ах-хой! Мои кости ноют и тоскуют по этой Реке, как они ныли от тряски в пой-езде, но дух мой осилит все! Исход поисков несомненен!» [Киплинг 1991: 180].

Как видим, в оригинале Тешу-лама говорит высокопарным языком, наполненным архаическими формами (как «*thou wilt*» и «*thy*» в нашем примере), возвышенными инвертированными формулами («*We be all souls seeking escape*»), восклицательными предложениями, эмфатическими восклицаниями («*Hai!*»), сравнениями и образными выражениями («*my spirit sits above my bones*»); также в речи Тешу-ламы встречаются и английские слова, сказанные, однако, со своеобразным произношением («*te-rain*»), и другие слова, выделенные в письменном тексте графически, а в речи ламы, вероятно, интонационно («*the River*», «*the Way*», «*the Search*»). В обоих приведенных переводах указанный стилистический эффект возвышенности и даже торжественности речи сохраняется, но в сглаженной форме. От торжественной архаики (указывающей на близость ламы к вечности), свойственной в оригинале почти каждой реплике ламы, осталась только возвышенность, переданная сохранением капитализации первых букв слов, обозначающих особенно важные для ламы понятия (при этом в переводе А.Колотова одно из выделенных в оригинале слов остается без выделения: «*The Search*» переводится как просто «поиски», в то время как у М.Клягиной-Кондратьевой торжественность этого слова усиливается стилистически возвышенным переводом «Искания»), большим количеством восклицательных предложений (у А.Колотова – 3, у М.Клягиной-Кондратьевой – 2), передачей эмфатических восклицаний (в обоих переводах), сохранением образности (образ восседающего над костями духа сохранен и даже усилен («превыше») в переводе М.Клягиной-Кондратьевой и опущен у А.Колотова) и инверсией («Кости мои» у М.Клягиной-Кондратьевой; у А.Колотова инверсия опущена). Как и в других случаях, А.Колотов передает, а М.Клягина-Кондратьева опускает особенности произношения ламой слова «*te-rain*», что, однако, остается частностью, мало влияющей на передачу общей торжественной стилистики его речи. Индивидуальность речи Тешу-ламы отчасти сохраняется в переводе А.Колотова за счет большего следования особенностям его говора («пой-езд»; большее количество восклицаний; отрывистость, как в переводе «ты избавишься от всех иллюзий – вместе со мной», опущенная у М.Клягиной-Кондратьевой) и также сохранения отдельных образов, из-за которых речь ламы становится не только возвышенной, но и поэтичной (так, в переводе А.Колотова кости ламы «тоскуют по этой Реке», что, как нам кажется, правильнее как грамматически, так и содержательно, чем «ноют

по этой Реке» – в переводе М.Клягиной-Кондратьевой). Но, несмотря на это, перевод М.Клягиной-Кондратьевой реплик ламы, по нашему мнению, более стилистически выдержан и точен, что подтверждается, в частности, совершенно неоправданным пропуском в переводе А.Колотова ключевого предложения «We be all souls seeking escape». При этом в отдельных случаях при передаче специфической для ламы идиоматики переводу А.Колотова все-таки принадлежит первенство. Так, например, его версия многократно повторяемых ламой в разных ситуациях слов «acquire merit» («приблизиться к спасению» [Киплинг 1991: 180]) более полноточна и точна, чем буквальный перевод М.Клягиной-Кондратьевой «приобрести заслугу» [Киплинг 1993: 132].

Подведем итоги. Проведенный анализ показал, что оба переводчика многоязыкового и многоголосого романа Киплинга «Ким» в целом справились с задачей воссоздания пестрой языковой картины жизни Индии. При этом в обоих случаях заметна тенденция к интерпретации особенностей наиболее индивидуально окрашенной речи персонажей как стилистических, даже если в оригинале они указывали не только на индивидуальный стиль речи, но и на сам язык, носителем которого является говорящий персонаж. Цели передавать языковую специфику наиболее последовательно придерживается в своем переводе А.Колотов, стараясь наделять речь своих персонажей особенностями не только лексики и идиоматики, но и дикции и произношения. Менее выразительный в этом аспекте перевод М.Клягиной-Кондратьевой делает больший акцент на поддержание в романе многоголосия, ярко передавая индивидуальные особенности стиля речи разных персонажей, которые, однако, если бы не обилие иностранных слов и прямые указания повествователя на разноречивость персонажей, выглядели бы как приметы разных стилей речи на одном и том же языке. Анализ также показал, что, четко улавливая основные стилистические доминанты в речи того или иного персонажа, переводчики не стремятся к буквализму и каждый по-своему придают соотносимую с оригиналом индивидуальность тому или иному голосу.

Сравнивая переводы А.Колотова и М.Клягиной-Кондратьевой, Б.М.Проскурнин писал, что «перевод, предложенный в пермском издании романа ... несколько уступает теперь уже классическому переводу Клягиной-

Кондратьевой, по общей тональности более приближенному к киплинговскому стилистическому синтезу "возвышенного и земного"» [Проскурнин 2010: 99]. Проведенный нами анализ показал, что написанный на прекрасном, поэтичном языке перевод М.Клягиной-Кондратьевой действительно стилистически более однороден и поэтому синтетичен. Тем не менее, на наш взгляд, попытку А.Колотова сохранить и даже оттенить в переводе как многоголосие, так и многоязычие, составляющее важную черту поэтики оригинала, можно считать удавшейся и удачной.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края в рамках научно-исследовательского проекта «Языки региональной культуры: пермская художественная книга», проект № 10-03-82305 а/У.

² Повествовательная структура романа уже становилась предметом внимания исследователей (см.: [Stewart 1983]). В этой подробной и содержательной статье раскрываются многие важнейшие черты поэтики романа, связанные с его многоголосием. В данной работе исследуется прежде всего передача этого многоголосия в переводах на русский язык.

Список литературы

Зыкова Е.П. Редьярд Киплинг: Восток, Запад и философия неоромантизма // Вишневская Н.А., Зыкова Е.П. Запад есть Запад, Восток есть Восток. Из истории англо-индийских литературных связей в Новое время. М.: Наследие, 1996. С.117–156.

Киплинг Р. Ким: роман / пер. с англ. М.Клягиной-Кондратьевой // Киплинг Р. Наулака: роман. Ким: роман: пер. с англ. СПб.; М.: Прибой, 1993. С. 161–396.

Киплинг Р. Ким: роман / пер. с англ. А.Колотова // Киплинг Р. Ким. Книги джунглей: роман, рассказы: пер. с англ. Пермь: Кн. изд-во, 1991. С.5–243.

Проскурнин Б.М. «Ким» Редьярда Киплинга: жанровая структура и проблемы перевода (размышления по поводу пермского издания романа в 1991 г.) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.6(12). С.98–108.

Kipling R. Kim. London: Penguin Books, 1994.

Stewart David H. Orality in Kipling's *Kim* // The Journal of Narrative Technique. 1983. Vol. 13, No.1. P. 47–68.

**POETICS OF LANGUAGE POLYPHONY IN THE NOVEL BY R. KIPLING «KIM»
AND ITS TRANSLATIONS IN RUSSIAN: A LOOK AT PERMIAN VERSION**

Dmitriy S. Tulyakov

**Post-graduate Student of World Literature and Culture Department
Perm State University**

In the article two translations (made by M. Klyagina-Kondratjeva and A. Kolotov) of the novel «Kim» by Rudyard Kipling are analysed. Since the source text is a kind of “translation” of Hindi speech and culture in English made by the narrator, the translators of the novel into Russian face the problem of preserving the source language polyphony. The analysed translations demonstrate use of different translation strategies which result either in the more stylistically precise and coherent version with less recognizable multi-language features of the source text, or in explicit representation of the multi-language polyphony of the novel, making reading the novel more difficult.

Key words: Rudyard Kipling; «Kim»; translation; polyphony; language polyphony; boundaries of the century; Permian book.